

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

О НАДДИАЛЕКТНОМ ХАРАКТЕРЕ ЯЗЫКА ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Ранняя история некоторых литературных языков, соотносимая с родо-племенной общественной структурой, характеризуется обобщенными типами устной речи (устные койне), которые, закрепляясь письменностью, становились основой литературных языков.

Исследователи обнаруживают данный языковой тип, как теперь, так и в прошлом, в устной поэзии современного дравидского племени Тода,¹ в эпической традиции гомеровской поэзии,² в языке германских рунических надписей,³ в древнеисландском устно-литературном языке,⁴ в языках древнерусского эпоса и деловой литературы,⁵ в койне северно-албанских горцев.⁶

Наличие устного койне у различных этнических коллективов с неодинаковым уровнем культурного развития в исторически разные периоды времени свидетельствует о его универсальном значении.⁷ Универсальность устных койне сказывается и в схожести языковых стилей, отражающих койне, при всем разнообразии выразительных средств, свойственных каждому языку, — стилю поэзии, стилю публичной, ораторской речи и стилю речи, связанной с ритуальными действиями. Есть основания полагать, что тюркоязычными племенами задолго до употребления рунического письма был выработан свой вариант обобщенной речи, стоящий над диалектами, которым могли пользоваться в устно-поэтической практике, во время публичных выступлений и обрядовых действий.

Судя по материалу рунических надписей, древнетюркское устное койне в структурном отношении представляло собою сплав в основном двух начал: огузского (вин. пад. на -iγ, прошедшее на -mīš, форма на -duq, глагол bul- 'находить') и уйгурского (наличие d в середине имен и конце глагольных основ — adaq 'нога', qod- 'положить', дат. пад. на -γa, форма на -daçi, предикатив bar 'есть, имеется', глаголы bar- 'идти', bär-/bir- 'давать', boġ- 'быть, становиться').

С появлением у тюрков руноподобной письменности устное койне, в какой-то мере уже архаизованное,* приобрело права литературной нормы, получившей сильную общественную опору и условия распространения в связи с образованием государственных объединений.

В VII—VIII вв. языком рунических надписей как единым литературным стандартом пользовались различные тюркские племена или союзы племен — огузы, уйгуры, киргизы, кипчаки и другие. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения: у огузов и кипчаков это были j-языки (aǰaǰ, qoǰ-), у уйгуров — d-язык (adaǰ, qod-), у киргизов — z-язык (azaǰ, qoz-).⁸

Общий письменный литературный язык древнетюркского общества, как показывают рунические надписи, обладал стилистическим единообразием и большой устойчивостью образно-стилистических средств, наиболее богато представленных в надписях «орхонского» круга: памятниках в честь Кюль-Тегина, Бильге-Кагана (хана Могиляна), Тоньюкука, Кули-Чура, Мокюн-Чура, Онгинском.⁹

«Орхонские» тексты представляют собою, по-видимому, записи ритмизованной публичной речи,¹⁰ насыщенной поэтическими, правовыми и иными формулами, яркими сравнениями — оборотами речи, построенными по принципу смыслового и формального параллелизма, эмоционально окрашенной и сакральной лексикой. Все это вместе взятое придает надписям высоко торжественный фон, удачно названный А. Н. Бернштамом «стилем официального повествования».¹¹

Наиболее существенными стилистическими чертами тюркского рунического койне являются следующие.

1. ПОЭТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ

Готовые формулы поэтического стиля отличаются разнообразием содержания и средств его выражения. Характер формул имеют сочетания определяемого с определением (постоянный эпитет), которые играют описательно-изобразительную роль. Постоянный эпитет сопровождает названия неба, земли, драгоценных металлов: *üzä kök täŋri*, *asra jaǰız jir* (КТб I) 'сверху голубое небо, внизу темная (бука. бурая) земля', *saǰıǰ aǰtun*, *öriŋ kümüs* (Тон 48) 'желтое золото, светлое серебро'.

Определение с определяемым устойчиво сочетается в названиях масти коней: *boz at* (КТб 32, 33, 37; КЧ 4) 'серый конь', *aǰ at* (КТб 40) 'белый конь', *aǰ adıǰır* (КТб 36) 'белый жеребец', *toǰıǰ at* (КТб 33) 'гнедой конь', *jäǰǰän at* (КЧ 15) 'гнедой конь'. Постоянное употребление цветовой гаммы в наименованиях масти

* Общий архаизованный колорит языка рунических надписей подчеркивают, например, такие инновации, как колебания $\check{s} \sim s$, $t \sim d$, $k \sim g$, $q \sim \gamma$.

коня приводит к субстантивации эпитета: *ıfır Şatıci aqın binip* (КТБ 42, 43, 45, 46) 'сев на белого коня героя Шалчы'; *Az ja'ızın binip* (КТБ 45, 48) 'сев на бурога Азского коня'.

Большое количество устойчивых формул раскрывает внутреннее состояние предмета или лица. Сюда относятся характеристика территории, пригодной для расселения, племенного союза, камня с надписями, некоторых духовных качеств: *il tutsıq jir* (КТМ 4) 'земля, в которой можно созидать племенной союз' (об Отюкене), *bāngü il* (КТМ 8) 'вечный племенной союз', *bāngü taş* (КТМ 11, 12, 13) 'вечный камень', *añı bilig* (КТМ 5) 'дурная мудрость'.

Речи и подношения противников тюрков снабжены своими определениями со скрытой символикой: *sabı sücig, a'ısi jımşaq ärmis; sücig sabın, jımşaq a'ın arır* (КТБ 5) 'речь его сладкая, а драгоценности мягкие (т. е. роскошные, изнеживающие), прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями'; *sücig sabıña, jımşaq a'ısıña arturup* (КТМ 6) 'дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями'.

Ряд формул посвящен высшим должностным лицам — кагану, близким ему людям, его сподвижникам и войску.

Определения или именные части сказуемого подчеркивают либо положительные качества (отсутствие злобы, мудрость, храбрость), либо отрицательные (недальновидность, трусость): *añı joq türk qağan* (КТМ 3) 'не имеющий зла тюркский каган'; *türk bilgä qağan* (КТМ 1) 'тюркский мудрый каган'; *bilgä qağan ärmis, ıfır qağan ärmis* (КТБ 3) 'они были мудрые каганы, они были мужественные каганы'; *antağ külig qağan ärmis* (КТБ 4) 'столь знаменитые каганы были они'; *qağanı ıfır ärmis, a'ıucısi bilgä ärmis* (Тон 10, 21, 29) 'каган его — герой, а советник у него — мудрый'; *türk bilgä qağan ilinä bititdim bān bilgä Toñuquq* (Тон 58) 'я, мудрый Тоньюк, приказал написать это для тюркского мудрого кагана'; *biligsiz qağan o'urmıs ärinç, jablağ qağan o'urmıs ärinç* (КТБ 5) 'сели на царство, надо думать, неразумные каганы; надо думать, сели (на царство) трусливые каганы'; *Umaj täg ögim qatun* (КТБ 31) 'моя мать — катун, подобная Умай'; *qağın qağan süsi böri täg ärmis, ja'ısi qoñ täg ärmis* (КТБ 12) 'войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам'.

Словосочетание — имя в дат. пад. + причастие на *-gmä* — в роли определения, примыкающего к слову *bäg* 'князь', образует стандартизованную формулу положения высшего сословия: *bödkä körigmä bäglär* (КТМ 11) 'покорные престолу князья'.

Интересен репертуар формул, относящихся к простому народу (*bodun*), эпитетами к которому могут быть как одиночные прилагательные, так и целая цепочка прилагательных или причастных форм, раскрывающих бесправное, бедственное положение народа: *ë'ıañ bodun* (КТМ 10) 'неимущий народ', *türk qara qamuğ bodun* (КТБ 8—9) 'вся масса тюркского простого народа', *qara igil boqun* (МЧ 14) 'черный простой народ', *içrä taşsız, taşra*

tönsüz, jabız, jablaş bobun (КТб 25) 'жалкий и низкий народ, у которого внутри нет пищи, снаружи — одежды', közin körmädük, quşqaqın äsidmädük bodunım (БК Хв 11) 'мой народ, не выдавший своими глазами, не слышавший своими ушами'.

Для обозначения усиленной деятельности служит формула, представляющая собою соединение двух параллельных конструкций, куда входят составными частями словосочетания 'красная кровь' и 'черный пот':

qızıq qanıм tökti, qara tärim жүгүrti isig күčig bärtim ök (Тон 52) 'проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу'.

Формула, служащая для передачи неудачи в военном походе, состоит из двух совершенно однотипных и параллельных простых предложений с противопоставлениями 'кровь — вода', 'кости — горы': qanıң subča жүгүrti, söñüküң tağča jatdı (КТб 24) 'твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (там), как горы'.

Формула наступления вражеского войска включает как постоянный элемент двойное наречие 'как огонь и вихрь (или вино?)': түrgis qağan süsi oтča borča kälti (БК 27) войско Тюркеш-кагана подступило, как огонь и вихрь'; түrgis qağan süsi Bołçuda oтča borča kälti (КТб 37) 'войско тюркешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину (?)'.

Формула сильной скорби есть не только сочетание двух рядов аналогичных форм, но и воспроизведение особого ассонанса каждого в своем ряду за счет повторения глагольных основ көr- 'видеть' и bil- 'знать': көrür közim көrmäz täg, bilir biligim bilmäz täg bołtı (КТб 50) 'зрячие очи мои словно ослепли, вещей разум мой словно отупел'.

Встречается серия распространенных по форме устойчивых сочетаний, передающих сложные, расчлененные представления, — своего рода поговорки, афоризмы или назидательные сентенции, относящиеся к разным случаям: arıq abutı jig (Тон 37) 'стыд чистых хорош'; öd täңri jasar, kisi oғlı qop ölgäli törümis (КТб 50) 'время распределяет Небо, (но так или иначе) дети человеческие все рождены с тем, чтобы умереть'; arıq oq sän aсsıq, toсіq ömäs-sän; bir todsar, aсsıq ömäs-sän (КТм 8) 'когда же ты тощ и голоден (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости и, раз насытившись, ты не понимаешь (состояния) голода'; turuq buqaı, sämiz buqaı arqada bilsär, — sämiz buqa, turuq buqa, tijin, bilmäz ärmis (Тон 5—6) 'если (хан) вообще знает что-то о тощих и жирных быках, но он не может назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык'; jujqa äriklig torlaşağı uçuz ärmis, jinçgä äriklig üzgäli uçuz; jujqa qaın bołsar, torlaşuquq aғr ärmis, jinçgä joğan bołsar, üzgülük aғr ärmis (Тон 13—16) 'тонкое сложить (в кучу) — легкое (дело); слабое разорвать — легкое (дело), но, если тонкое сделается толстым, то то, что может собрать (толстое, это), будет герой. Если слабое сделается крепким, то то, что может разорвать (крепкое, это), будет герой'.

II. ОРАТОРСКИЕ ФОРМУЛЫ

Текст некоторых крупных надписей открывается формулой начала: *tānri tæg tānridä bołmıš türk bilgä qağan bu ödkä ofurtım* (КТМ 1) 'небоподобный, неборожденный тюркский мудрый каган, я нынче сел (на царство)'; *tānri tæg tānri jaratmıš türk bilg(ä) qağan sabım* (БК 1, Ха 13) '(вот) речь моя богоподобного, Небом поставленного (или угодного Небу) тюркского мудрого (Бильге) кагана'.

Многочисленны формулы обращения — предложения со сказуемыми *äsid-* 'слушать', *saqın-* 'думать', *bil-* 'знать' в форме императива 2 л.: *azu bu sabımda igid barıu? Türk bäglär bodun bunı äsidin!* (КТМ 10) 'разве есть какая-либо фальшь в этой моей речи? О тюркские начальники и народ, слушайте это!'; *türk bäglär bodun äsidin!* 'тюркские (и?) огузские боги и народ, слушайте!'; *türk bäglär (bodun anča) saqınin! Anča bilin!* (БК 33) 'вы, тюркские боги (и народ), подумайте об этом! Так знайте!'; *on oq oqlıña tatıña tägei bunı kögü bilin!* (БК Хе 15) 'вы, смотря (на памятник), знайте (все) вплоть до жителей (сыновей) западных тюрков (рода десяти стрел) и живущих среди них (инородцев)'.

Формула риторического вопроса: *üzä tānri basmasar, asra jir tālinmäsar, türk bodun, ilinin törünün kām artatı?* (КТб 22) 'когда Небо сверху не давило (тебя), и Земля внизу не разверзалась (под тобой) [то есть: между тем как ниоткуда не угрожала опасность], о тюркский народ, кто мог погубить твое государство (твой племенной союз и законную власть над тобой)?'; *jarıqıñ qantan (qantın?) kälip jaña älti? Sünüglig qantan (qantın) kälipän sürä älti?* (КТб 22) 'откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя?'.

III. ПРАВОВЫЕ ФОРМУЛЫ

В составе предложения в порядке веса и значимости перечисляются социальные реалии древних тюрков (ближе к кагану родичи, затем — все остальные): *sabımın tükäti äsidgil: ulaju inijigünim (ini jigünim?), oqlanıñ, biriki oquşım bodunım, birijä şadapıt bäglär, jıraja tarqat bujuruq bäglär, otuz ... tozq bägläri bodunı ...* (КТМ 1—2) 'речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шади апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать ... (вы) начальники и народ «девяти огузов» ...; *ögim qatun ulaju öglärim, äkälärim, kälünüm, qunçuñarım* (КТб 49) 'моя мать-катун, и вы, идущие за нею по значимости мои сводные матери [т. е. другие жены отца Бильге хана], мои тетки, мои невестки, мои княжны'.

IV. ОБИХОДНЫЕ ФОРМУЛЫ

Формулы данного типа отображают политические, военные и разного рода жизненные обстоятельства — по содержанию своему они ситуативны: illädük ili (КТб 6) 'существовавший племенной союз'; qağanladuq qağanı (КТб 7; 02) 'царствовавший свой каган'; ilgärü Şantun jazıqqa tägi sülädim, tañuqqa kiçig tägmädim, birgärü Toquz ärsänkä tägi sülädim, Tüpütkä kiçig tägmädim (КТм 3) 'вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо (т. е. на юг) я прошел с войском вплоть до «девяти эрсенов», немного не дошел до Тибета'; ilgärü kün toysıq(q)a, birgärü kün ortusınaru, qurıǵaru kün batsıqıña, jırǵaru tün ortusınaru (КТм 2) 'впереди к солнечному восходу, справа (в стране) полуденной, назади, к солнечному закату, слева, (в стране) полуночной'; başıǵıǵ jüküntürmis, tizligig sökürmis (КТб 2) 'имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени'; başıǵıǵ jüküntürtim, tizligig sökürtim (БК Хе 10) 'имеющих головы заставил склониться, а имеющих колени заставил согнуться'; jaǵıǵ baz qıǵmıs, tizligig sökürmis, başıǵıǵ jüküntürmis (КТб 15, 18) 'врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить (головы)'; baǵıdaqı taǵıqmıs, taǵdaqı inmis (КТб 12) 'жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились'; ğıǵañ bodunıǵ baj qıttım, az bodunıǵ üküş qıttım (КТм 10; КТб 29) 'неимуций народ я сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным'; tün udısqım kälmädi, күntüz oǵırsıqım kälmädi (Тон 12) 'ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя' (см. вариант — Тон 22).

V. СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА

К ней следует отнести представления идеологического порядка — Jär Sub 'Земля — Вода (синоним Родины)', всегда с определением İduq 'священный': üzä türk täñrisi, türk İduq jiri subı (КТб 10—14) 'вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков (т. е., Родина)'; üzä täñri İduq Jär sub (БК 35) 'вверху Небо, священная Родина (Земля—Вода)'; Täñri, Umaj, İduq jär sub (Тон 38) 'Небо, богиня Умай, священная Родина (Земля — Вода)'.
Характерно для стиля надписей метафорическое употребление глаголов käreğäk boı- 'быть необходимым' и uç- 'улететь' в значении 'умереть, скончаться': özinçä käreğäk boımıs (КТб 3—4) '(затем) они скончались'; inim Kül tigin özinçä käreğäk boıtı (КТб 30, 50) 'мой младший брат Кюль-Тегин скончался'; inçä ilig törüg qazǵanıñ uça barmıs (КТб 15—16) 'так власть свою приобретя, он улетел (т. е. умер)'; qañım qağan uçduqta (КТб 30) 'когда умер мой отец-каган'; qañım qağan uçdı (МЧ 12) 'мой отец-каган скончался'.

Для обычных, повседневных случаев в том же значении употребляется общетюркской глагол *öl-*: *üküs, türk bodun, öltig* (КТМ 6) 'ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве'; *oġ at anta ölti* (КТБ 33) 'этот конь там пал'.

В надписях встречается лексика с сакральным значением. Это глагол с внутренним объектом *jaqa jaqaġa-* 'совершать шаманское моление', как можно судить по сарыг-югурскому *ja'qa* 'шаманское моление': *jaqa anta jaqaladım* (МЧ 20, 26) 'там я устраивал моления высшим божествам'. В разряд сакральной лексики входят и слова с количественной символикой — числительные, кратные семи: *jäti ärän* (0 5) 'семь мужей', *jätmis är* (КТБ 12) 'семьдесят мужей', *jäti jüz är* (КТБ 13) 'семьсот мужей', *jäti jüz boġti* (Тон 4) '(их) составилось семьсот (человек)'.

Богатство художественно-выразительных средств языка рунических надписей говорит о его значительной обработанности, продолжительной шлифовке и поразительной стилистической законченности. Однако наличие средств высокого стиля неодинаково по памятникам — в надписях Кюль-Тегину, Бильге-Кагану и Тоньюкуку их явно больше, чем в текстах Онгинском, Моюн-Чура и Кули-Чура. Здесь нельзя не заметить тонкой линии стилистического различия: первая группа надписей более тяготеет к поэтическому стилю, вторая — к повествовательному. Эта особенность не ускользнула от внимания В. Томсена, заметившего, что надписи местами сухи и монотонны, а местами исполнены истинной поэзии.¹²

Данный язык невозможно определять, руководствуясь чисто генетическим принципом, как «древнеогузский»,¹³ «предок» современных южнотюркских языков,¹⁴ или как-либо иначе. Он не является ни тем, ни другим, ни третьим. Язык рунических надписей есть запись древнетюркского койне смешанной (огузо-уйгурской) природы, первый литературный вариант в истории тюркских языков.

Большая традиционность стилистического строя этого языка указывает на существование его за много веков до введения рунической письменности. Не должны вызывать удивления записи руническими или какими-либо другими знаками данного языка (если они будут обнаружены) более ранних периодов — самого начала нашей эры или конца прошлой.

Строго нормированный язык «орхонских» надписей, обслуживавший высшие слои древнетюркского общества, выполнял функции литературного языка аристократического типа и, естественно, не допускал диалектных включений.

Некоторая разница в языке орхонских надписей объясняется влиянием родного языка, индивидуального стиля и школы или манеры письма составителей, ср., например, язык памятников Кюль-Тегину и Бильге-Кагану (автор текстов Йолыг-Тегин), с одной стороны, и памятник Тоньюкуку (автор текста сам Тоньюкук), с другой.¹⁵ Несколько иное положение енисейских надписей. Они принадлежат более широким социальным слоям, чем орхон-

ские надписи. Соответственно их язык — тот же койне, а, по словам С. Е. Малова, «общий, стандартный, эпитафийно-рунический»¹⁶ — все же несет на себе заметную примесь диалектизмов. С. Е. Малов предлагал даже эти диалектные различия картографировать.¹⁷

Руническое койне, помимо всего прочего, было чрезвычайно популярно. Им пользовались многие тюркоязычные племена, в том числе и уйгуры. В середине IX в. уйгуры переселились в Восточный Туркестан и здесь на базе хорошо известного им койне создали свой литературный вариант,¹⁸ достигший необычайного развития в грамматическом, лексическом, жанровом и стилистическом отношениях. В народной среде ему противопоставлялись территориальные диалекты (см. материал южного диалекта современного уйгурского языка). В структурном плане он — наследник рунического койне — был также смешанным (см. огузские формы -iγ, -miš, -duq).

Язык уйгурских памятников — второе письменное койне в истории тюркских языков — сыграл в дальнейшем огромную роль в формировании других тюркских книжно-письменных койне — литературных вариантов.¹⁹ Проведенный анализ с несомненной очевидностью выдвигает требование — структурное изучение языков древнетюркских памятников, которое велось, ведется сейчас и будет продолжаться и дальше, необходимо дополнять исследованием функциональной стороны; оба эти плана надо неизменно сочетать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ E m e n e a u M. Oral Poets of South India-The Todas. — В кн.: Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Antropology. New York, 1964, p. 330—343.

² K i r k G. S. The songs of Homer. Cambridge, 1926, p. 195; G e o r g i e v Vl. Mysenaen among the other Greek Dialects. — В кн.: Mysenaen Studies. Madison, 1964, p. 135.

³ М а к а е в Э. А. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965, с. 49—50.

⁴ С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. Вступительная статья в кн.: Исландские саги. М., 1956, с. 7.

⁵ Я к у б и н с к и й Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 299.

⁶ Д е с н и ц к а я А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, с. 86—98.

⁷ Д е с н и ц к а я А. В. Наддиалектные формы... с. 5; Г у х м а н М. М. Литературный язык. — В кн.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 526—527.

⁸ Т е н и ш е в Э. О языке кыргызов уезда Фу-Юй. — ВЯ, 1966, № 1, с. 88—96.

⁹ Тексты памятников цитируются по изданиям: Малов С. Е. 1) Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, с. 19—73; 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 7—44.

¹⁰ П е ш к о в с к и й А. М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения. — В сб.: Методика родного языка. Лингвистика, стилистика, поэтика. Л.—М., 1925.

¹¹ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, с. 37—38.

¹² Thompson V. Inscriptions de l'Orkhon. . . , «Mémoire de la Société Finno-Ougrienne», V. Helsingfors, 1896, p. 96.

¹³ Кондратьев В. Г. Об отношении языка памятников орхон-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников. — СТ, 1973, № 3, с. 27.

¹⁴ Мелиоранский П. Турецкие наречия и литературы. — ЭСБЕ, т. XXXIV, с. 160.

¹⁵ Кононов А. Н. Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкука. — В сб. Philologica. Исследования по языку и литературе. Л., 1973, с. 90.

¹⁶ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрок. М.—Л., 1952, с. 7.

¹⁷ Там же, с. 13.

¹⁸ Кондратьев В. Г. Об отношении языка. . . , с. 23—27.

¹⁹ Самойлович А. Н. 1) К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: Мир-Али-Шир. Л., 1928, с. 21—23; 2) Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями. — СТ, 1973, № 5, с. 110; Малов С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — ИАН ОЛЯ, т. VI, вып. 6, 1947, с. 475—480.